

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>
EDN: QVAPEZ

Научная статья / Research Article

Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания

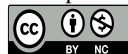
О.Н. Шерстобоев¹, И.В. Михеева²

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
 imikheeva@hse.ru

Аннотация. О неоднозначном вопросе использования искусственного интеллекта (ИИ) в судебном процессе. Цель исследования – представить зарубежный опыт использования информационных технологий в судопроизводстве на примере наиболее спорных и обсуждаемых в научной литературе и практике идей о ресурсах искусственного интеллекта в системе доказывания. Особое внимание уделено успешно действующим механизмам использования ИИ в зарубежной судебной практике на этапе оценки доказательств. Приводятся решения зарубежных судов, вынесенные с использованием ИИ. Высказывается суждение о допустимости оценки доказательств с использованием ИИ. В ходе исследования применены методы общенаучного познания и специальные методы (сравнительно-правовой). Диалектический метод сделал возможным проследить генезис и прогрессирующее развитие технологизации судебного процесса. Приемы анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили показать минусы предиктивного кодирования на стадии доказывания и плюсы электронного исследования доказательств, варианты одновременного раскрытия доказательств с использованием разных методов на примере вынесенных конкретных судебных решений. С помощью сравнительно-правового метода выявлены наиболее успешные практики использования искусственного интеллекта в системе доказывания в зарубежных странах, показаны не только инструменты предсказанного правосудия в европейской судебной практике, но и проблемы китайского «инструментального правосудия», которые могут возникать в любой стране. Делается вывод о возможности использования предиктивного кодирования как инструмента предсказанного правосудия при условии выработки общих правил раскрытия информации и учета специфики машинного обучения для конкретного дела. Отмечается, что

© Шерстобоев О.Н., Михеева И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

искусственный интеллект пока не стал преобладающим методом ни в одном из видов судопроизводства. Это может объясняться недостаточным уровнем доверия к нему у юридической общест-венности и говорит о необходимости времени для формирования успешной истории его использования для решения юридически значимых задач в разных сферах человеческой жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, раскрытие доказательств, судебный процесс, предикативное кодирование, предсказанное правосудие, система доказывания, судопроизводство

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Шерстобоев О.Н.* – концепция исследования; сбор и анализ материалов; написание текста. *Михеева И.В.* – сбор и анализ материалов; написание текста.

Поступила в редакцию: 25 апреля 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 1. С. 178–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>

Information technologies in judicial process: opportunities of artificial intelligence in evidence system

Oleg N. Sherstoboev¹, Irina V. Mikheeva²

¹Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation

²HSE University, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*
imikheeva@hse.ru

Abstract. The study is devoted to ambiguous issues of using artificial intelligence (AI) in judicial process. The purpose of the study is to present foreign experience of using information technologies in court proceedings based on the example of the most controversial and debated ideas concerning resources of artificial intelligence in the system of evidence. Special attention is paid to successful mechanisms of using AI in foreign judicial practice at the stage of evidence assessment. The study presents several decisions of foreign courts, formed with the help of AI. The findings allow to express opinion about admissibility of evidence evaluated by AI. The study employs methods of general scientific cognition and special methods including comparative legal. The dialectical method allows to investigate genesis and progressive development of judicial process technologization. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction contribute to highlighting disadvantages of predictive coding at the proving stage and advantages of electronic research of evidence, options for simultaneous disclosure of evidence using different methods on the example of specific court decisions. The comparative legal method helps to identify best practices of using artificial intelligence in the system of evidence in foreign countries. The study not only describes the tools of predicting justice in European judicial practice, but also examines the problems of Chinese "instrumental justice" that can arise in any country. Conclusion justifies predictive coding as a tool of predictive justice, provided that general rules for information disclosure are developed and specifics of machine learning for a particular case are considered. It is noted that artificial intelligence has not yet become the predominant method in any types of legal proceedings. This may be explained by insufficient confidence in it across legal communities and time needed to form a successful history of its use for solving legally significant tasks in various spheres of human life.

Key words: artificial intelligence, disclosure of evidence, trial, predictive processing (coding), predicting justice, system of evidence, legal proceedings

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Sherstoboev O.N.* – research concept; collection and analysis of materials; writing text. *Mikheeva I.V.* – collection and analysis of materials; writing text.

Received: 25th April 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Sherstoboev, O.N., Mikheeva, I.V. (2024) Information technologies in judicial process: opportunities of artificial intelligence in evidence system. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 178–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>

Введение

Современность часто характеризуется как эпоха высоких технологий и информации, они царят всюду, заменяют человека даже в сферах, где интеллектуальная деятельность всегда была в приоритете, включая юриспруденцию. Сможет ли человек управлять технологиями или он все больше будет зависеть от них, а затем окажется в положении, когда придется им подчиняться? На ум приходят три известных закона Айзека Азимова. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда они противоречат Первому Закону. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам (Asimov, 1991:30–55). Между тем действительность гораздо сложнее. Новые технологии живут в виртуальном пространстве, которое невозможно осязать. Мы можем думать, что повелеваем ими, но пропустить момент, с которого они перестанут исполнять приказы людей, и люди начнут невольно подчиняться решениям этих неосязаемых существ. В связи с этим судья Верховного Суда Соединенного Королевства, Ф.Д. Сейлз (Philip James Sales), точно подметил, что диджитализация «неосязаема», она «располагается в функциях облака, а не в физических машинах, находящихся на наших столах», она глобальна и экстерриториальна¹. Эта проблема особенно актуальна для юриспруденции, в которую уже проникли такие инструменты, как искусственный интеллект и большие данные. Они не только хорошо себя чувствуют в этой сугубо человеческой области, но и расширяют в ней свое пространство.

Генезис и развитие идей технологизации системы доказывания

Использование в судебном процессе таких инструментов, как искусственный интеллект и большие данные, особенно чувствительно, поскольку судопроизводство всегда рассматривалось как святая комната юриспруденции, в которой вершится справедливость, а решения судов мы часто представляем как эталон поведения для всех участников правоотношений. Применение технологий в системе доказывания – это известная и старая идея. Если имеются средства, позволяющие установить истину, и тем самым обеспечить справедливый суд, то ими нужно пользоваться. В таком утверждении можно усмотреть опорную точку судебной системы.

В целом современные процессуальные законы оперируют теориями доказывания, восходящими к периодам Возрождения и Просвещения и юридически

¹ Algorithms, Artificial Intelligence and the Law. The Sir Henry Brooke Lecture for BAILII Freshfields Bruckhaus Deringer, London, Lord Sales, Justice of the UK Supreme Court 12 November 2019. Available at: <https://www.supremecourt.uk/docs/speech-191112.pdf> (accessed: 20.01.2023).

оформленными в течение XIX–XX вв. (для разных стран время может отличаться). Все эти теории антропоцентричны. Ключевая роль в оценивании доказательств отводится судье, а участники процесса имеют возможность подтвердить или опровергнуть факты, значимые для правильного разрешения дела. Например, это хорошо заметно в теории Р. Дворкина о способах судейского усмотрения (Dworkin, 2004:105–108), а также в работах Г. Харта, где правовая сущность дискреции выводится из «нашей повседневной жизни», представленной «относительно простыми примерами», позволяющими выделить общие черты всех стандартных случаев принятия решений по усмотрению (Hart, 2013: 656). Р. Познер вручает в руки судей экономический метод, отстаивает его универсальность для установления истины. Его критики настаивают на более широком наборе средств доказывания. При этом никем из них роль человека в сборе и анализе судебных доказательств, обобщении их, формулировании общих выводов по существу дела под сомнение не ставится. Перечень знаменитых имен прошлого и настоящего можно продолжить, но вывод в целом окажется неизменным. Ограничимся мнением А. Барака. Он отмечает, что судье следует взвешивать каждое доказательство, определяя его ценность для дела, а высокоубедительное доказательство не стоит исключать лишь только потому, что не хватает одного из тестов его допустимости (Barak, 1999:350).

Представленная аргументация понятна и сводится к нескольким тезисам: 1) решение суда должно быть справедливым; 2) справедливость достигается чрез оценку имеющихся доказательств; 3) доказательства должны быть достаточно весомыми, чтобы исключить несправедливость. В разных теориях имеются разночтения о том, как этой справедливости достигнуть. Генеральная же линия во всех случаях одинакова – человеческий фактор, основанный на человеческом разуме, вооруженном профессиональными юридическими навыками, остается решающим. Истоки таких воззрений восходят к учениям прошлого о человеческом разуме, находятся в теориях прав человека и системы разделения властей, которые заставляют судей искать истину, оценивая всю совокупность обстоятельств дела, в том числе связанных с мотивами конкретных людей, их желаниями, субъективным восприятием действительности. Об этом можно прочесть уже в работах основоположников системы разделения властей. Так, Дж. Локк представляет судей как разумных людей, провозглашающих право и тем самым обеспечивающих права подданных (Locke, 2009:310). Ключевым словом здесь, определенно, выступает человеческий разум.

Ш.-Л. де Монтескье характеризовал судью, как «уста закона, произносящие слова закона, безжизненные существа, не могущие ни умерить его силу, ни смягчить его суровость» (Montesquieu, 1900:164). В такой трактовке судья – это механизм, но ему необходим человеческий разум для отыскания нужного закона, определения предмета доказывания, оценки доказательств. Только после этого ему позволяется стать «бездушным существом», провозглашающим волю законодателя. По мнению Монтескье, дела с участием благородных и просвещенных людей следует рассматривать в особых судах, где судьи будут сравнимы со сторонами по благородству и просвещенности. Таким образом окажется возможным избежать пристрастности (Montesquieu, 1900:163–164). То есть справедливый суд – это инструмент, но им может быть лишь человек, да еще и наделенный определенными качествами, не только интеллектуальными, но и духовными, а также общекультурными.

Неслучайно в тоталитарных режимах не было стремления выстроить независимую судебную власть. В них суд выполнял техническую функцию, отделял

неправильных людей от остальных и официально сообщал об этом. Доказыванию в таком случае могло не придаваться большого значения, поскольку суды оперировали формальными признаками, важными для политического режима (например, принадлежностью к социальной группе и пр.). В таких условиях одни люди выносили решения в отношении других. Они могли быть и несправедливыми, но опирались на какие-то важные для политических режимов факты. Разум здесь использовался не для установления процессуальной истины, а для обслуживания чьей-то политической воли, выполняя ключевую роль в процессе вынесения судебных решений (конечно, могли быть и неполитизированные судебные решения, вполне отвечавшие всем канонам судебного процесса).

Теперь предположим, что появилась техническая возможность заменить человеческий разум компьютерной программой, которая способна объективно, независимо от участников процесса и судьи оценивать доказательства и предлагать решения. Если такие выводы без проверки человеком переместятся в судебное решение, то можно ли считать их справедливыми, а правосудие свершившимся? Сейчас окончательный ответ формулировать преждевременно. В действующих процессуальных рамках он скорее окажется отрицательным.

И все же... Вопросы использования искусственного интеллекта все больше привлекают внимание исследователей и практиков, включая и правовую сферу. Сегодня «концепцию предиктивного кодирования» британского философа Энди Кларка считают, пожалуй, одним из наиболее важных научных открытий². Метод предиктивного кодирования компьютерных технологий и алгоритмов обработки информации позволяет при существенном сокращении временных затрат анализировать большие неструктурированные объемы данных. Все чаще звучат аргументы в пользу предиктивного, «предсказанного» правосудия с участием искусственного интеллекта (*далее – III*).

В мире имеется не так много судебных решений, которые выносились на основании выводов программы с использованием искусственного интеллекта. Дело Да Силва Мур против Publicis Groupe, по-видимому, стало первым случаем использования искусственного интеллекта для оценки доказательств³. Оно разрешалось в США (Нью-Йорк) в феврале 2012 г. Рассматривался спор о дискриминации на работе по признаку пола. Работодатель был обвинен в том, что для работающих у него женщин он выстроил «стеклянный потолок». Чтобы вынести решение, требовалось исследовать более 3 млн электронных документов, хранившихся у ответчика. Ответчик предложил использовать метод предиктивного кодирования⁴. Рассматривавший дело судья Эндрю Пек (Andrew Peck) принял это предложение. Интересно, что истцы, в чьих интересах предполагалось использовать компьютерную программу, выразили несогласие с этим и обжаловали решение, обратившись в окружной суд. Их доводы заключались в следующем: судья излишне положился на внешние

² Пришел, увидел, обучил: предиктивное кодирование на службе у юристов. Режим доступа: <https://blog.pravo.tech/prishel-videl-obuchil-prediktivnoe-kodirovanie-na-sluzhbe-u-yuristov/?ysclid=lfqiz6t9d0943787247> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Moore v. Publicis Groupe, 287 F.R.D. 182 (2012) Available at: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-da-silva-moore-v-publicis-groupe> (accessed: 18.03.2023).

⁴ В представленной статье предиктивное кодирование (ПК) рассматривается как процесс изучения документов с помощью вычислительной техники, придуманный для облегчения подготовки к сложным судебным процессам, когда необходимо просмотреть до сотен тысяч документов и выделить из них полезные для данного дела. Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/86718/?ysclid=lfcaz5pre685754246> (дата обращения: 18.02.2023).

документы; эксперт ответчика пристрастен, поскольку избранный метод оценки доказательств принесет ему выгоду; судья ненадлежаще провел слушания по доказательствам; судья использовал версию протокола о компьютерном раскрытии информации, предложенную ответчиком. Эти доводы изложены в решении окружного суда⁵.

Пример судьи Э. Пек не стал заразительным. Между тем аналогичные мотивы имеются в другом деле, которое слушалось в Великобритании в 2016 г. (первый британский случай). Это был корпоративный спор *Pyrrho Investments Ltd v MWB Property Ltd*⁶. Судья Пол Мэтьюз (Paul Matthews) обстоятельно проанализировал минусы предиктивного кодирования на стадии доказывания и выделил плюсы электронного исследования доказательств. Пожалуй, его решение может стать знаковым для всех, кто отстаивает использование искусственного интеллекта в судебном процессе. Первоначально в деле требовалось раскрыть 17,6 млн документов, затем их количество было уменьшено до 3,1 млн. Очевидно, что три миллиона – тоже внушительная цифра для ручной проверки, которую характеризует: 1) множество людей, задействованных для поиска, отбора и анализа доказательств; 2) значительное время, затрачиваемое этими людьми; 3) очень большие финансовые затраты участников спора на проведение проверки.

Среди вероятных минусов оба судьи, Э. Пек и П. Мэтьюз, также назвали отсутствие прямого законодательного дозволения на использование искусственного интеллекта в системе доказывания и процессуальные затруднения, связанные с проверкой «программного решения». Возражения против использования судом предиктивного кодирования упираются также в то, что оно умаляет права стороны, которая не получает доступа к документам. Также сторона лишается возможности проверки результатов раскрытия документов. Иными словами, использующая компьютерную программу сторона – владелец документов оказывается в более выгодном положении, чем ее оппоненты, которым остается только полагаться на честность другой стороны и на надежность программы.

Еще одним мотивом для критики стало то, что судьи увлеклись вопросами стоимости процедуры оценки доказательств, в некотором смысле умалив объективность этой оценки. Тем самым, ими не было задействовано золотое правило доказывания, связанное с человеческой проверкой составляющих доказательственную базу по делу документов. Здесь проявляется критика более высокого уровня, она опирается на представление о судебном процессе как высокоинтеллектуальной деятельности специалистов, в основе которой лежат общеизвестные процессуальные принципы. Так, Т. Мерфи (Tonia Har Murphy) считает использование искусственного интеллекта в судах США делом решенным, но опасается отхода от традиционной роли судей. Это может повлечь увеличение затрат, задержки, а также повысить вероятность вынесения несправедливого и предвзятого решения, соответственно подорвать фундамент судебной системы и в итоге привести к отказу от судебной оценки, что недопустимо. Поэтому, по его мнению, использование предиктивного кодирования не должно стать обязательной процедурой на стадии исследования доказательств (Murphy, 2013:657). По сути, Т. Мерфи обозначает те минусы, которых пытаются избежать сторонники использования искусственного интереса в судебном процессе.

⁵ *Da Silva Moore, et al. v. Publicis Groupe*, No. 11-Civ.-1279 (ALC) (AJP), 2012 WL 607412 (S.D.N.Y. Feb. 24, 2012) Available at: https://jenner.com/system/assets/publications/11045/original/2012_WL_146534.pdf (accessed: 14.03.2023).

⁶ *Pyrrho Investments Limited v MWB Property Limited* [2016] EWHC 256 (Ch) (16 February 2016) Available at: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2016/256.pdf> (accessed: 18.02.2023).

В этой и аналогичной аргументации проявляется недоверие естественного интеллекта к искусственному. Усматривается глубоко укоренившееся в юридическом мышлении наследие Аристотеля, римских юристов, мыслителей эпох Возрождения и Просвещения, а также рационализма XIX столетия. Человек отличается от всего сущего именно своим разумом, он создает технологии и повелевает ими, но никак не наоборот, он представляется носителем тысячелетней культуры, впитавшей идеи справедливости. Разве технология, даже самая совершенная, способна быть судьей в человеческих отношениях? В целом, отвечая на этот вопрос, судьи – сторонники применения искусственного интеллекта в процессе осознавали возможные минусы и старались обеспечить верифицирование выводов, сделанных искусственным интеллектом.

Проверяемость выводов, сделанных искусственным интеллектом

На первое место в делах с использованием искусственного интеллекта выходит протокол, определяющий взаимодействие участников на стадии раскрытия доказательств. В имеющихся случаях судьи исходили из того, что стороны обязаны сотрудничать в раскрытии доказательств. В деле *Да Силва Мур* протокол был довольно подробным и во многом впоследствии рассматривался как образец для иных аналогичных споров. Так, Э. Байрам (*Elle Byram*), анализируя дело, когда суд тоже допустил использование предиктивного кодирования, отмечает, что протокол об использовании программного обеспечения был таким же подробным, как и в деле *Да С. Мур*. В частности, экспертам истца предоставлялась возможность проверять любую информацию, отобранную для машинного обучения, включая привилегированные сведения. Правда, в отличие от дела *Да С. Мур*, протокол не содержал указание на статистическую выборку и пороговое значение для релевантных записей (*Byram, 2013:692*).

Заметим, что проект протокола может предоставляться инициатором проверки доказательств, и это не обязательно судья. Так, в деле *Да С. Мур против Publicis Groupe* именно ответчик разработал обстоятельные правила раскрытия информации, представив их суду. Причем истцы возражали против такого решения в целом, а также против отдельных частей протокола. Судья Э. Пек согласился с ответчиком, правда, истцам удалось отыграть некоторые частные моменты, например, снять ограничение на количество записей, которые ответчики обязаны были отобрать для машинного обучения (*Byram, 2013:686*).

Британский вариант, санкционированный судьей П. Мэтьюзом, оказался наиболее близким к идеалу. Обе стороны ходатайствовали об использовании предиктивного кодирования, с чем судья согласился, утвердив протокол раскрытия. При этом судья исполнял свои обязанности обстоятельно, проявил должную эрудицию, обосновав возможность использования искусственного интеллекта в системе процессуального доказывания, а также разработав поэтапную инструкцию.

Встречаются и дела, в которых суд иницирует и настаивает на использовании технологий с искусственным интеллектом вопреки позициям сторон. Так было в деле *EORHB, Inc. v. HOA Holdings, LLC (США)*⁷. Первоначально судья обязал всех

⁷ *EORHB, Inc. v. HOA Holdings, LLC*, No. 7409-VCL, 2013 WL 1960621 (Del. Ch. May 6, 2013) Available at: https://www.wilsonelser.com/writable/files/Legal_Analysis/389292-v1-eorhb-v-hoa-holdings-no-7409-vcl-2013-esi-update.pdf (accessed: 14.03.2023).

участников задействовать компьютерную программу в процессе электронного раскрытия документов, и, прежде всего, договориться о едином поставщике программного обеспечения. Правда, это требование было изменено по ходатайству истцов. В итоге суд скорректировал первоначальное постановление, согласившись с доводами как ответчиков, так и истцов. Первым было позволено обратиться к поставщику программного обеспечения и задействовать предиктивное кодирование, вторым – использовать традиционные методы раскрытия своих документов. Было принято во внимание соотношение небольшого количества документов, которые истцы обязаны были раскрыть, и стоимости программного обеспечения, которая «перевесила бы любую выгоду» от искусственного интеллекта. Данное дело интересно тем, что суд (1) изменил первоначальную позицию, (2) допустил одновременное раскрытие доказательств с использованием разных методов, (3) занял активную позицию, настаивая на применении предиктивного кодирования как основного метода, и (4) смягчил позицию лишь после изучения обоснованных аргументов одной из сторон. Решающим доводом в пользу сохранения для истцов традиционных методов стало соотношение конечного результата и его стоимости. Заметим, что каких-либо вопросов о степени достоверности одного из методов не было. Это еще раз подтверждает, что искусственный интеллект на стадии доказывания в большинстве случаев рассматривается не столько с точки зрения его достоверности, сколько с позиций его финансовой затратности. Очевидно, что предиктивное кодирование в этом деле считалось удобным средством, позволяющим сторонам осуществить затратные по времени и стоимости действия, снизив другие возможные издержки.

Еще более явно эта тенденция озвучена заместителем председателя Верховного Суда Соединенного Королевства лордом Ходжем (Lord Hodge)⁸ в марте 2020 г. Он, в частности, отметил фундаментальную позицию Суда по делам бизнеса и собственности Англии и Уэльса, где от сторон требуется серьезное обоснование невозможности использования предиктивного кодирования в делах, где требуется проанализировать более 50 000 документов (Hodge, 2020:13). Напрашивается еще один вывод – искусственный интеллект оказался наиболее востребованным в судебном процессе, в рамках которого разрешаются коммерческие споры. Именно здесь судьи могут опираться на согласованную позицию сторон, а если она рассогласованная, то аргументируя несостоятельность мнений истцов и ответчиков, выносить приказ с обязанностью применения такого программного обеспечения.

Позволяя сторонам самим определить наилучший для них метод раскрытия электронной информации, в приведенных примерах суды действовали в рамках закона, но одновременно предпочитали подкреплять свои выводы, опираясь на авторитетную доктринальную позицию. Так, в США востребованным является документ, называемый «Принципы Седоны». Он формируется по результатам периодических конференций с участием ведущих американских юристов, объединившихся для решения «некоторых наиболее сложных проблем, с которыми сегодня сталкивается» правовая система⁹. Так, согласно принципу 6 раскрывающая доказательства сторона лучше суда и своего процессуального противника ориентируется в

⁸ Lord Hodge, Deputy President of The Supreme. *Technology and the Law*. (10 March 2020) The Dover House Lecture 2020, London. Available at: <https://www.supremecourt.uk/docs/speech-200310.pdf> (accessed: 01.04.2023).

⁹ The Sedona Conference Working Group Series. Available at: <https://thesedonaconference.org/wgs> (accessed: 14.03.2023).

собственной информации, в том числе знает технологию и иную специфику ее хранения. Нарушение этого принципа может повлечь непропорциональные затраты и обременения для не имеющих отношения к информации участников, особенно при использовании сложных, защищенных патентами программ¹⁰. В этой связи держатель информации имеет приоритет в определении способа раскрытия доказательств, в том числе с использованием искусственного интеллекта. Правда, принципы Седоны могут применяться и как отказ от «услуг» искусственного интеллекта в судебном процессе. На это, в частности, указывает Э. Байрам, применительно к обстоятельствам дела *Global Aerospace v. Landow Aviation*¹¹. В нем суд позволил сторонам самим выбрать метод раскрытия, отметив, что истцы не должны препятствовать ответчику в следовании традиционной схеме на первом этапе разбирательства, но вправе добиваться применения предиктивного кодирования в случае проведения второго этапа. Судья Нолан (Nolan) опиралась на 6-й принцип Седоны (Byram, 2013:692). Разумность такого подхода очевидна, ответчик проводит раскрытие тем методом, который он считает наилучшим, если затем истцы находят, что результат их удовлетворяет, то они соглашаются и с первоначальной процедурой. Если же нет, то им дается возможность аргументированно представить ее недостатки и указать на разумные причины, по которым предиктивное кодирование являлось бы более предпочтительным вариантом.

Российское законодательство, доктрина и практика раскрытия процессуальных доказательств

В российской практике аналогичных дел пока не было, хотя стадия раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве присутствует. Правда, в гражданском процессе она появилась только в ноябре 2018 г.¹² В процессе по разрешению экономических споров эта стадия существует с 2002 г.¹³ Тем не менее, для нашей правовой системы данное явление – относительно новое. Часто судьи, как, впрочем, и стороны, не используют возможностей раскрытия доказательств, тем более с применением новых технологий. Видимо, российским юристам еще предстоит прочувствовать специфику исследования электронных документов, как и роль раскрытия доказательств в судебном процессе. Сейчас встречаются мнения о слишком радикальной позиции законодателя, который ввел в гражданский процесс стадию раскрытия информации и неоправданно усилил бремя сторон процесса (Smagina, 2019; Kudryavtseva & Smolnikov, 2019:104-113).

Отметим, что российская практика не выработала унифицированного подхода к вопросам раскрытия электронных доказательств. Думается, это связано с тем, что

¹⁰ The Sedona Conference Working Group Series. Available at: <https://thesedonaconference.org/wgs> (accessed: 14.03.2023).

¹¹ *Global Aerospace Inc. v. Landow Aviation, L.P.*, No. 61040 (Loudon County, Va. Cir. Ct. Apr. 23, 2012) / *Global Aerospace Inc., et al. v. Landow Aviation LP /dba/ Dulles Jet Center, et al.*, Consolidated Case No. CL 00061040-00, (Circuit Court Loudoun Cty., Apr. 23, 2012) (J. Chamblin). Available at: https://www.redgrav-ellp.com/sites/default/files/PredictiveCoding-GlobalAerospace_TamaraKarel.pdf (accessed: 14.03.2023).

¹² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I), ст. 7523.

¹³ Федеральный закон «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

«модели раскрытия доказательств... либо не сформированы вообще, либо далеки от совершенства» (Fokina, 2019:29-46). Причем ученые интересуются этой проблематикой. В настоящее время идет формирование базовых теоретических начал, на которые могла бы опереться будущая практика. Так, ряд важных выводов сформулировал А.Т. Бонер. Первое: он отметил, что электронные документы пока в большинстве случаев рассматриваются в качестве разновидности письменных доказательств. Второе: он не согласился с этой сложившейся практикой, указав, что оценка судами электронных документов методами, предназначенными для письменных источников, может привести к серьезным ошибкам. Третье: он отметил, что письменный документ исследуется по правилам человеческой логики, а электронный документ рассчитан на «машинную» логику. Четвертое: машинная логика не может быть понята человеком без использования специальной технологии, которая бы преобразовала закодированную информацию в понятную для человека форму. Пятое: исследование электронных документов в суде должно осуществляться в соответствии с особыми, разработанными только для этого методами (Bonner, 2017:413–416).

Другие российские авторы сохраняют и оберегают традиционные подходы, следуют за законодателем и, в лучшем случае, цитируют А.Т. Бонера в тех ситуациях, когда им необходимо описать феномен электронных доказательств. Чаще всего речь ведется о технических средствах – видео- и аудиозаписях, а электронный документооборот воспринимается по аналогии с письменными доказательствами с заявлением о традиционных методах их судебной оценки (Treushnikov, 2016:91, 103).

А.Т. Бонер не пишет об искусственном интеллекте в судебном процессе, но его взгляды вполне соответствуют позиции о возможности введения в процессуальный оборот соответствующего программного обеспечения. Главный вывод состоит в том, что информация, созданная машиной или при помощи машины, может быть оценена только машиной... или человеком, но при помощи машины. С этим сложно не согласиться, поэтому данный тезис может быть рассмотрен как будущий аналог российских «Принципов Седоны». Тем более что в отечественной предпринимательской сфере искусственный интеллект уже имеет определенное положение, которое становится все более устойчивым.

В 2005 г. российский законодатель уточнил способы заключения гражданско-правовых договоров, подчеркнув, что одним из них может быть обмен электронными документами¹⁴. В 2019 г. это положение приобрело окончательную редакцию. Теперь электронный документооборот в коммерческой сфере не только не ставится под сомнение, а приобретает популярность (в том числе и по причинам, вызванным пандемией COVID-19). Еще в 2012 г. Ассоциация российских банков утвердила алгоритм заключения договоров в электронной форме¹⁵. Правда, в п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ электронный документ объявляется разновидностью письменной формы договора. С одной стороны, это не будет способствовать развитию самостоятельных инструментов оценки для такого рода доказательств; с другой, – специалисты в этой сфере получили довод законодателя, что для электронных документов приемлемы средства, позволяющие анализировать письменные доказательства.

¹⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

¹⁵ Рекомендации по заключению договоров в электронной форме от 19.12.2012 // Вестник Ассоциации российских банков. 2013. № 1–2.

Поэтому если в сфере материального частного права электронный документ превратился в нормальное и даже в ординарное явление, то в сфере процесса ему еще предстоит отвоевывать место, отделяясь от письменных документов.

По экспертным оценкам в 2018 г. объем рынка искусственного интеллекта в стране за год вырос более чем на 40 %. Было зафиксировано развитие технологий в сфере финансов, аналитики, а также промышленности¹⁶. В августе 2020 г. Правительством РФ утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.¹⁷ В ней предусматривается формирование механизма правового регулирования, который бы являлся комфортным и безопасным, позволил бы развивать технологии, опирался на баланс интересов человека, общества, государства. Внимание уделяется обороту данных, юридической ответственности, страхованию, медицине, промышленности, транспорту, публичному управлению, градостроительству, космической отрасли. Концепция не оговаривает проблему судебной оценки информации с применением искусственного интеллекта, но можно предположить, что с развитием тех отраслей, которым посвящен документ, возникнет необходимость разрешения соответствующих споров.

Развитие электронных сервисов в экономической сфере означает, что рано или поздно российские судьи столкнутся с огромным массивом цифровой информации и предложением использовать для его оценки сервис, оснащенный искусственным интеллектом. Об этом говорил председатель Совета судей России В.В. Момотов (Катар, февраль 2020 г.). Нейтральный по отношению к человеку искусственный интеллект, по его мнению, – это миф, но его вспомогательное значение в судебном процессе бесспорно. В.В. Момотов признал, что в скором времени российским судьям будет доступно программное обеспечение, позволяющее распознавать общий смысл текста с возможностью выделять ключевые тезисы из текста; использовать системы распознавания речи и видеоизображения в целях разметки аудио- и видеопотоков судебных заседаний и даже автоматизированная подготовка проектов судебных актов¹⁸.

Отдельные дела, в которых судьи сталкиваются с непривычными доказательствами, уже встречаются. Например, двое граждан заключили договор возмездного оказания услуг (один обязался другому оказать услуги, связанные с предоставлением визы категории О-1 США, а также обеспечить его работой в США, за что получил вознаграждение – 8 500 долл. США). Обязательства исполнены не были, стороны также не заключали письменных договоров, не составляли актов, расписок. Их отношения подтверждались только перепиской по электронной почте за период с октября 2017 г. по февраль 2019 г., а также сообщениями в Facebook¹⁹. Суд посчитал, что

¹⁶ Искусственный интеллект (рынок России). Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_\(рынок_России\)?ysclid=lgv1vs4wjn645731254](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_(рынок_России)?ysclid=lgv1vs4wjn645731254) (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» от 19 августа 2020 г. № 2129-р. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁸ Момотов В.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.ssrif.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁹ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook и Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

истец не смог в таких условиях подтвердить передачу ответчику 8 500 долл. В то же время суд рассмотрел представленную электронную переписку и дал ей оценку, в том числе указав, что из этой переписки однозначно не следует, на каких условиях стороны вступали в правоотношения²⁰. Здесь важен не столько результат, стороны явно не стремились к надлежащей юридической форме в своих отношениях, и, возможно, этому делу следовало придать вообще уголовно-правовой характер. Главное здесь то, что представитель истца сформировал доказательственную базу из электронных документов, а суд, по крайней мере, дал этим доказательствам оценку. Правда, в суде рассматривались не электронные носители, а их бумажные копии, заверенные нотариусом. То есть стороны и судья оперировали методами оценки доказательств, которые сформировались для бумажных документов. Интересно, какое бы решение было вынесено, если бы доказательства исследовались искусственным интеллектом?

Российские исследователи, с одной стороны, допускают вероятность участия программ с участием ИИ в принятии судьей юридически значимого решения в рамках приказного производства при определенных условиях, с другой стороны, не поддерживают попытки полной замены искусственным интеллектом правосудной деятельности судьи, включая и оценку доказательств (Stepanov, Pechegin & Diakonova, 2021:12).

Искусственный интеллект: опыт китайского правосудия

В этом смысле интерес представляет опыт Китая²¹, где в 2017–2018 гг. начали функционировать цифровые суды в г. Ханчжоу²², Пекине и Гуанчжоу, и где для раскрытия и оценки доказательств как одной из процессуальных стадий используются соответствующие цифровые инструменты. Речь об интеллектуальной системе анализа доказательств в рамках судебного разбирательства онлайн (блокчейн плюс искусственный интеллект, облачные данные и пр.). По представлению сторонами доказательств эта интеллектуальная система проводит их анализ и сопоставление, параллельно формируя и список необходимых доказательств, используемых вообще судебной практикой по аналогичным делам. Соответственно, автоматически могут быть запрошены дополнительные, не представленные стороной (неправильно загруженные или не соответствующие предъявляемым требованиям) доказательства. Особенно это облегчило деятельность судей при рассмотрении споров в финансовой сфере, когда нужно произвести множество сложных расчетов, дать судье основу для рассмотрения дела и принятия итогового решения (Sheremetyeva, Baturu & Y SH, 2020:160). Такая возможность возникла отчасти благодаря использованию технологий распределенного реестра. Загруженные в него документы обезличиваются, маркируются и хранятся в облачном хранилище. Их анализ производится с помощью технологий ИИ и больших данных. Если в начале функционирования интернет-судов в хранилища подгружались только те дела, которые рассматривались именно

²⁰ Решение Головинского районного суда г. Москвы от 11 июня 2019 по Делу № 2-2394/19. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/5eab8c01-6c9a-4989-9006-29ee9521e638?year=2019&actDocStatus=2&formType=fullForm> (дата обращения 10.04.2023).

²¹ Речь идет об опыте Китайской Народной Республики. Практика судопроизводства Китайской Республики, известной как «Тайвань», не рассматривается.

²² Сайт Интернет-суда Ханчжоу. Режим доступа: <https://www.netcourt.gov.cn/?lang=En> (дата обращения 10.04.2023).

интернет-судом, позже к ним присоединись и решения иных судов, чем фактически нивелировалась проблема вариативности решений по идентичным делам.

Внедрение технологии блокчейн в судебную систему проходило поэтапно, сначала в тестовом режиме в отдельных судах, затем была создана единая для всех судов технология. Во всех случаях государство сотрудничало с китайскими технологическими гигантами, прежде всего Alibaba Group Holding Ltd (в том числе через дочерние организации). Так, в 2018 г. запущена программа «Судебный блокчейн» в Ханчжоу. В 2019 г. аналогичные сервисы заработали в Пекине (март) и Гуанчжоу (апрель). В том же году анонсирована национальная «Единая платформа судебного блокчейна народного суда» для подключения всех судов страны. Объявляется, что внедрение платформы позволило сторонам, юридическим лицам, существенно экономить, подтверждая подлинность электронных доказательств, размещение которых в системе обходится им в 1 юань (в отличие от традиционного нотариального удостоверяя с ориентировочной ценой в 4 тыс. юаней). Правда, есть и замечания, связанные с технологией хранения информации и доверия к ней судов. Технологическая проблема связана с привлечением к созданию системы частных компаний, которые потенциально могут действовать в своих интересах; а мышление традиционных судей меняется очень медленно – с июня 2018 г. по декабрь 2019 г. они признали допустимыми электронные доказательства, сохраненные при помощи блокчейн, только в 400 случаях (Wang, 2021).

В онлайн судах КНР рассмотрение дел ограничено предметной сферой – речь о правонарушениях в сети «Интернет» при осуществлении онлайн торговли, ряда финансовых операций, при разрешении споров по авторскому праву, по сути все споры, связанные с взаимодействием в сети Интернет. Подсудность этих судов является исключительной – стороны не могут отказаться от разбирательства в этом суде, если их дело подпадает под подсудность интернет-суда. В отличие, например, от интернет-судов в Южной Корее, где обязательным является согласие обеих спорящих сторон. Судопроизводство идет полностью в цифровом формате, начиная с направления материалов в суд, включает проведение судебного заседания и вынесение решения с участием искусственного интеллекта.

Можно привести пример, когда сетевая компания, обладавшая исключительными правами на интернет-трансляцию финала чемпионата мира по футболу в Катаре, обнаружила, что игры чемпионата нелегально транслируются через мобильное приложение, принадлежавшее одной из столичных компаний. Иск с требованием о запрете был подан в Пекинский интернет-суд накануне финала, в тот же день вынесший положительное решение по делу. Эксперты и сам суд предположили, что проявленная оперативность не только соответствует характеру дела, но позволила эффективно защитить права истца, что, по-видимому, было бы затруднительно в обычном процессе²³. Если бы дело не было рассмотрено до финальной игры, то есть в день подачи заявления в суд, то убытки правообладателя были бы слишком велики, а проблема их компенсации, возможно, неразрешимой.

Стоит заметить, что несмотря на обсуждение перехода Китая на систему «умных судов» в контексте использования новой модели работы суда в рамках интеллектуальной судебной системы все же исследователи обращают внимание, что как такового цифрового судьи, выносящего решения ИИ, не существует. «Умный

²³ Illegal live broadcasting of World Cup prohibited by BIC. Available at: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/2023-04/03/c_614.htm (accessed: 14.03.2023).

суд» нацелен не столько и даже вообще не на замену судьи на ИИ, а на минимизацию коррупционных рисков и обеспечение обоснованных судебных решений. Сделано это не для замены живого судьи на электронного, а скорее для снижения уровня коррупции и необоснованных решений²⁴. Так, решения Пекинского интернет-суда обеспечиваются двадцати девятью судьями, под председательством Цзян Ин, которые помимо дипломов о юридическом образовании (бакалавриат и магистратура) имеют также инженерное образование (бакалавриат)²⁵.

Если сопоставить первые полноценные онлайн-суды и их предметную подсудность, то окажется, что государство сформировало специализированную юстицию для споров, возникших в связи с использованием Интернета. Отчасти такое решение рассматривается как реакция на новое явление, связанное с появлением электронных доказательств, которые, по мнению Ч. Ван (Zhuhao Wang), традиционными судьями в полной мере не воспринимались в таком качестве. Судьи также не имели достаточных компетенций, чтобы оценить достоверность таких доказательств (Wang, 2021). В то же время А. (Лю) Си отмечает потенциальные проблемы применения онлайн правосудия, связывая их с возможностью принимать решения на основе статистики, например по их ранее отмененным делам, в ущерб тщательному анализу закона (инструментальное правосудие); снижением доступа к правосудию людей, не имеющих «выхода» в Интернет или не часто пользующихся его сервисами (электронное неравенство) и пр. (Alison (Lu) Xu, 2017) Критики также опасаются, что новые технологии могут побудить власти, судей к пренебрежению традиционными процессуальными гарантиями, в результате справедливость будет принесена в жертву эффективности, измеряемой скоростью и снижением расходов. Например, тенденция может затронуть стадии раскрытия и исследования доказательств, стороны и судьи займут более пассивные позиции, доверившись искусственному интеллекту. Имеются и технологические проблемы (Shu Shang & Guo, 2020).

Впрочем, вариант, который в конечном итоге был принят китайскими властями, демонстрирует понимание проблем. Подсудность онлайн судов ограничена определенной категорией дел; решение не принимается в несколько кликов компьютерной мыши, сохраняются традиционные стадии, насколько это возможно в условиях технологизации правосудия. Анализ судебной статистики и ее влияния на правосудие – это вопрос будущего, поскольку для его разрешения требуется релевантная статистика, охватывающая достаточно продолжительный период времени.

Предсказанное правосудие в европейской судебной практике

Хотя и осторожно, но все же предиктивные практики распространяются в европейском судопроизводстве. Есть интересные проекты Евросоюза, связанные с «предсказанным правосудием» (predictive/ predicting justice), когда с помощью искусственного интеллекта (ИИ) используются алгоритмы для анализа множества кейсов в короткие сроки, что позволяет в определенной мере предвосхитить исход спора (Biryukov, 2019). Европейская комиссия по вопросам эффективности правосудия

²⁴ В Китае внедрили судебный ИИ. Или нет? Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/677920/> (дата обращения 20.03.2023).

²⁵ Judges: Beijing Internet Court. Режим доступа: https://english.bjinternetcourt.gov.cn/judges_3.html (дата обращения: 05.04.2023).

дия (СЕПЕJ) Совета Европы утвердила «Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении» (4 декабря 2018 г.)²⁶. Из содержания Хартии следует, что судьи в государствах – членах Совета Европы не часто используют предиктивные инструменты для прогнозирования, хотя ряд исследований проводился.

Так, по инициативе Министерства юстиции Франции два апелляционных суда, в Ренне и Дуэ весной 2017 года договорились протестировать программное обеспечение predictive justice на различных судебных апелляциях, используя его в качестве эксперимента при рассмотрении гражданских споров, поскольку уголовное дело было исключено из сферы эксперимента по этическим соображениям: анализировались гражданские, социальные и коммерческие решения всех французских апелляционных судов. Было проведено трехмесячное судебное разбирательство с использованием программного обеспечения, названного коллегией судей «прогнозирующим»²⁷. Предлагалось оценить ценность количественного (инновационного) анализа сумм, выделенных двумя судами, в дополнение к географической классификации расхождений, отмеченных в аналогичных заявках и испытаниях. Цель программного обеспечения состояла в создании инструмента принятия решений, способного уменьшить, при необходимости, их чрезмерную вариативность во имя принципа равенства граждан перед законом. Результат эксперимента противоречиво обсуждался двумя апелляционными судами, Министерством юстиции и компанией LegalTech, разработавшей продукт. Девятого октября 2017 г. Министерство юстиции и первый Президиум апелляционного суда Ренна, подчеркнув современность подхода, не нашли «особой ценности для судей» программного обеспечения, поскольку уже существуют «высококачественные инструменты анализа судебной практики кассационного суда и апелляционных судов». Более того, указывалось на доминирование в программном обеспечении статистического подхода в ущерб качественному анализу и в некоторых случаях фиксации ошибочных результатов. Действительно, в отличие от англосаксонской системы, французская правовая система не построена на системе прецедентного права, а судебные решения принимаются, основываясь «на точном анализе фактов по каждому делу» без связи с предыдущими решениями (Rozec & Thiebaut, 2017).

Заметим, что все же известны примеры программ по использованию искусственного интеллекта, построенного по технологии deep learning (глубокое обучение) с целью предсказать результаты решений Европейского суда по правам человека. Получив доступ к доказательствам в рамках того или иного дела, технологии оценивали их в соответствии с заданными параметрами с точностью вердиктов порядка 79% из 584 рассмотренных дел (Aletras, Tsarapatsanis, Preotjuc-Pietro &

²⁶ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196205/COUNCIL%20OF%20EUROPE%20-%20European%20Ethical%20Charter%20on%20the%20use%20of%20AI%20in%20judicial%20systems.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁷ CEPEJ, European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial System and their Environment 34 (CEPEJ (2018)14, Dec. 3, 2018). Режим доступа: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>, Режим доступа: <https://perma.cc/7XP4-SWK6> (дата обращения: 01.04.2023); Philippe Rozec & Louise Thiebaut (2017) Intelligence artificielle: les limites de la justice predictive [Artificial Intelligence: The Limits of Predictive Justice], LES ECHOS. 2. Режим доступа: <https://perma.cc/K2WM-3399> (дата обращения: 20.04.2023).

Lampros, 2016:93). На все это указывалось Европейской комиссией по эффективному правосудию²⁸.

Очевидно, что страны – члены Европейского Союза делают попытки внедрить на национальном уровне идеи «предсказанного правосудия» с использованием предикативных *технологий/инструментов*. В этом контексте Европейский Парламент и Совет Европы Регламентами 2018/1724 (2 октября 2018 г.) и 2020/1784 (25 ноября 2020 г.) установили единый цифровой шлюз для трансграничного обмена доказательствами и порядок вручения судебных и внесудебных документов по гражданским или коммерческим делам (запросы, подтверждения, квитанции, сертификаты и сообщения). Считается, что это должно повысить скорость передачи и судебных, и внесудебных документов в трансграничном гражданском процессе²⁹.

Заключение

Итак, при решении вопроса о возможности использования предиктивного кодирования как инструмента предсказанного правосудия судьи придерживаются определенных правил. Они стараются получить согласие сторон в раскрытии доказательств с использованием таких программ, даже если сами являются инициаторами этого процесса. В протоколах, регулирующих процедуру раскрытия информации, сторонам предписывается оказывать содействие друг другу. Большое значение играет проверяемость данных. Поскольку участникам процесса, как и суду, сложно проверить достоверность после того, как программа вынесет вердикт, то большое внимание уделяется стадии, предшествующей началу работы программы, в том числе выработке общих правил раскрытия информации и специфике машинного обучения для конкретного дела. Таким образом обеспечивается доверие к будущему результату. Если стороны сотрудничают друг с другом, если каждая из них получает доступ к информации, если суд разумно реагирует на требования, возражения участников, то в последующем им будет сложно оспорить выведенные искусственным интеллектом результаты раскрытия доказательств, поскольку у каждого в процессе были равные возможности участия и влияния на результат.

Отметим, что в процессе, где сталкиваются публичный и частный интересы данные компьютерные инструменты так широко не применимы нигде, в силу неравенства сторон, когда сложнее договориться о едином методе, предварительно преодолев взаимное недоверие. Хотя и в гражданском процессе, искусственный интеллект пока не стал преобладающим методом. Золотым правилом доказывания по-прежнему остается ручная человеческая проверка документов. Это можно объяснить тем, что данное программное обеспечение пока не завоевало полного доверия среди широкой юридической общественности. Достоверность решений, вынесенных в процессе доказывания – это еще и готовность людей доверять суду. Так, Европейский Суд по правам человека указал на неприемлемость поиска защиты суда, к которому заявитель совсем утратил доверие. Чтобы заслужить сопоставимой

²⁸ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ), European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/196205/COUNCIL%20OF%20EUROPE%20-%20European%20Ethical%20Charter%20on%20the%20use%20of%20AI%20in%20judicial%20systems.pdf> (дата обращения: 4rd April 2023).

²⁹ Цифровизация судебного процесса: опыт Евросоюза. Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/digitalrightscenter/blog/696846/> (дата обращения: 04.04.2023).

степени доверия искусственному интеллекту, нужно время и успешная история его использования для решения юридически значимых задач в разных сферах человеческой жизни.

References / Список литературы

- Aletras, N., Tsarapatsanis, D., Preoțiu-Pietro, D. & Lampos, V. (2016) Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*. 2:e93. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>
- Alison (Lu) Xu (2017) Chinese judicial justice on the cloud: a future call or a Pandora's box? An analysis of the 'intelligent court system' of China. *Information & Communications Technology Law*. 26(1), 59–71. <http://dx.doi.org/10.1080/13660834.2017.1269873>
- Asimov, I. (1991) *I Robot*. New York, Bantam Books.
- Barak, A., (1999) *Judicial Discretion*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 376 с.
- Biryukov, P.N. (2019) Artificial Intelligence and “Predicted Justice”: Foreign Experience. *Lex Russica*. 11(156), 79–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087> (in Russian).
Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica* (Русский закон). 2019 № 11(156). С. 79–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087>
- Bonner, A.T. (2017), *Selected Works: in 7 vols. V. Problems of the Theory of Judicial Evidence*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian)
Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. 560 с.
- Byram, E. (2013) The Collision of the Court and Predictive Coding: Defining Best Practices and Guidelines in Predictive Coding for Electronic Discovery. *Santa Clara High Technology Law Journal*. 29(4), 675–701.
- Dvorkin, R. (2004) *Taking Rights Seriously*. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Fokina, M.A. (2019) Law of Evidence in the Civil Procedure: Unrealized opportunities. *Herald of Civil Procedure*. (1), 29–46. (in Russian).
Фокина М.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе: нереализованные возможности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 29–46.
- Hart, H.L.A. (2013) Discretion. *Harvard Law Review*. 127(2), 652–665.
- Kudryavtseva, E.V. & Smolnikov, D.I. (2019) The court's role in the proof of facts in the light of civil justice reform. *Zakon*. (4), 104–113. (in Russian).
Кудрявцева Е.В., Смольников Д.И. Роль суда в процессе доказывания в свете судебной реформы в гражданском судопроизводстве // *Закон*. 2019. № 4. С. 104–113.
- Locke, J. (2009) *Two Treatises on Governance*. Moscow, “Canon +” ROOI “Rehabilitation” Publ. (in Russian).
Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: «Канон+» ROOI «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Montesquieu, S.-L. (1900) *The Spirit of Laws or on the Relations in which Laws should be to the Government, Morals, Climate, Religion, Trade, etc*. Saint Petersburg, From L.F. Panteleev. (in Russian).
Монтескье Ш.-Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. СПб.: Из-е Л.Ф. Пантелеева, 1900. 800 с.
- Murphy, Tonia Nap (2013) Mandating Use of Predictive Coding in Electronic Discovery: An Ill-Advised Judicial Intrusion. *American Business Law Journal*. 50(3), 609–657.
- Sheremetyeva, N.V., Baturo, I.V. & Y SH (2020) Features of Electronic Justice in China. *Law and practice*. (2), 159–163. (in Russian).
Шереметьева Н.В., Батура И.В., У Шуан. Особенности электронного правосудия в КНР // *Право и практика*. 2020. № 2. С. 159–163.

- Shu Shang C. & Guo, W. (2020) The Rise of Online Dispute Resolution-Led Justice in China: an Initial Look. *Australian National University Journal of Law and Technology*. 1(2), 35–41.
- Smagina, E.S. (2019) Is the Procedural Revolution Completed? *Bulletin of Civil Procedure*. (4), 119–123. (in Russian).
Смагина Е.С. Завершена ли процессуальная революция? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 119–123.
- Stepanov, O.A., Pechegin, D.A. & Dyakonova, M.O. (2021) Towards the Issue of Digitalization of Judicial Activities. *Law. Right. Journal of the Higher School of Economics*. (5), 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23> (in Russian).
Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 4–23. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23>
- Treushnikov, M.K. (2016) *Judicial Evidence*. Moscow, Gorodets, Publ. (in Russian).
Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2016. 304 с.
- Wang, Zh. (2021) The Supreme People’s Court of China has Embraced Blockchain, Built online Courthouses, and Moved to Digitalize Court Systems in a Bold Embrace of Technology. Here’s How it’s Going. *Judicature*. 105(1), 38–40.

Сведения об авторах:

Шерстобоев Олег Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56

ORCID ID: 0000-0001-6972-8241

e-mail: sherson@yandex.ru

Михеева Ирина Вячеславовна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12

ORCID ID: 0000-0001-9323-6511, SPIN: 3237-4119

e-mail: imikheeva@hse.ru

About the authors:

Oleg N. Sherstoboev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of Law Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6972-8241

e-mail: sherson@yandex.ru

Irina V. Mikheeva – Doctor of Legal Sciences, Head of the Constitutional and Administrative Law Department, HSE University, Nizhny Novgorod Campus; 25/12 Bolshaya Pecherskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9323-6511, SPIN: 3237-4119

e-mail: imikheeva@hse.ru